

Руки честного трудяги. Сухие, шершавые, загрубевшие, обветренные, возможно. Руки, которые годами работали с химическими веществами, впитывали краску, воски, спирты, жировые добавки, эфиры. Руки неподвижные, как у хирурга, словно одеревенелые, но на самом деле затаившиеся перед следующим микродвижением — точным, отрететированным, таким, от которого многое зависит, действительно многое, ведь долгая череда этих микродвижений в результате определит судьбу человека, по крайней мере недели на две. Настроение, планы, самоощущение личности на две недели минимум будут зависеть от сноровки этих рук, от мгновенной реакции мышц на сигнал, посылаемый мозгом, от ловкости, от легкости, от устойчивости и неприворотливости. Ничего не требовать, ни в чем не нуждаться, стремиться к стопроцентному результату — таков удел этих рук.

За свою сорокалетнюю жизнь рукам довелось рыть землю; держать инструменты, из которых пинцет был самым маленьким, а топор самым большим; водить машины, из которых классические жигули

были самым маленьким транспортным средством, а трактор — самым большим; сверлить лед на замерзшем озере перед рыбалкой; держать большой фонарь горизонтально, так, чтобы хижина шамана не затерялась в лесной чаще; выхватывать у противника нож для мяса; подписывать важные юридические документы — самое простое, что доводилось делать этим рукам.

Наверное, руки следовало бы назвать всеведущими или просто очень опытными в силу невероятного объема знаний о жизни, быте, самоощущении, настроении, планах, прошлом отдельных личностей, коих насчитывались сотни, а может, и больше. За время карьеры руки научились принимать и отдавать, держать и контролировать, а главное — руки научились не упускать того, что идет прямо в руки.

Руки быстро принаравливались к условиям среды: сквозняк ли, мороз ли, жара и пот, стресс, перенапряжение, голод, неудобные материалы и оборудование. Руки приспособлялись.

Ночью, нащупывая пружины старого матраса или воздушную итальянскую простыню; утром, ка-

саясь дешевой пластмассовой ручки электрического чайника или кнопки кофемашины последней модели; поворачивая засаленный кран в ванной комнате старенькой квартиры или сияющий кран шикарных апартаментов, руки знали, что их ожидают холодный ключ, который надо будет повернуть в замочной скважине дважды; колючие шерстяные перчатки или мягкие — от кутюр; затертые до шелковистости денежные купюры возле кассы или выпуклые цифры на поверхности платиновых банковских карт; вибрация электрички или бесшумный ход дорогого автомобиля; чье-нибудь неловкое прикосновение или удар; ветер, дождь или снег, иногда солнце, но чаще всего ветер; гладкие кнопки домофона; ребристая заплыванная решетка ворот; скользкие бахилы, теплая рука кого-нибудь из коллег; резиновые перчатки и — личности с их самоощущением, планами и настроением. Часто руки обходились без перчаток. Потому что они ничего не боялись, не беспокоились понапрасну, вели себя сдержанно и мудро, немного легкомысленно, но в этом нет ничего удивительного, ведь руки воспринимали мир поверхностно.

У рук были свои планы. Погладить кота. Нажать кнопку на пульте от телевизора. Почистить банан. Взять пакет кефира из холодильника или бокал шампанского с барной стойки модного ресторана. Подписать завещание. Обнять ребенка. Рано или поздно руки намеревались осуществить все намеченные планы и относились к ним со всей серьезностью, как и подобает ответственным рукам честного трудяги, ежедневно зарабатывающего на хлеб с маслом.

Сухие руки, у которых когда-то не водилось денег на хороший увлажняющий крем. Руки, которые за собой не ухаживали, потому что ухаживали за другими или потому что со временем одичали, решили, что и так нормально и не стоит никого впечатлять, радовать своей гладкостью, мягкостью, красотой, всем тем, чего жаждали клиенты со своим самоощущением, планами и настроением.

Руки, которые держали меня за руки на протяжении нескольких лет. Это были руки самого странного человека, которого я знала в те годы. Руки моей маникюрщицы Юли.

Юля всегда говорила странные вещи, совершала странные поступки, поэтому мне с ней было легко. Я чувствовала, что тоже могу вести себя странно, задавать странные вопросы, в общем, не притворяться.

— А ты могла бы человеку ногу отрезать или руку, ну, если бы пришлось? Вот с помощью твоих маникюрных инструментов, я имею в виду. Никакой тебе пилы.

Юля медленно откусывала от моего безымянного пальца по кусочку, удаляла размягченную кутикулу, и мне чудилось, будто сейчас что-то произойдет, что-то

опасное. У Юли в салоне меня охватывало чувство необъяснимого беспokoйства. Я часто думала, что больше к ней не приду. Но все равно возвращалась. Хорошую маникюрщицу не хочется менять, как хорошего гинеколога.

— Если бы пришлось, думаю, могла бы. Но культя осталась бы плохая. Протез человек вряд ли смог бы носить.

Юля приготовила алмазную каплевидную фрезу для аппаратной чистки пазухи между ногтевой пластиной и боковым валиком.

Мини-дрель зажужжала, и фреза стала вращаться со скоростью 25 000 оборотов в минуту.

Юля выросла в селе М. в Алтайском крае. Из детства она ярче всего запомнила бабушкино лицо на фоне спящего ледяного солнца. Они тогда шли из школы по лесной тропинке. Лес чередовался с прогалинами, и на одной из них, как в снежном облаке, все мерцало, сияло, белело. Легкая приятная пустота и чистый холодный воздух, а на фоне светозарного неба бабушкино лицо: молодое, худое, почти без морщин, с большими синими глазами, с веснушками и длинными ресницами, не очень красивое, зато спокойное, не такое, как у мамы. Мама Юлю бросила, сбежала с новым мужем в Краснодар. Один только раз пригласила Юлю погостить. Девочке тогда уже исполнилось четырнадцать. И второе, последнее воспоминание из детства: ссора из-за лифчика, большая чувствительная грудь, на которую не налезала нормальная одежда и которая сковывала, не давала бегать. Мама орала, что нужны деньги, что лифчик подождет. Мама все время пила, и муж новый пил. Вернувшись к бабушке, Юля отказалась впредь навещать маму.

Затем внезапно детство кончилось — с каким-то парнем, на скамейке в школьном спортзале. Парень вскоре исчез, а Юля родила сына и больше не узнавала свое тело. Грудь и живот обвисли, щеки стали толстыми, ягодицы — тяжелыми. Порой она смотрела по телевизору передачи о пластических операциях в Голливуде, мечтала тоже когда-нибудь сделать себе грудь.

Артемка рос с мамой и прабабушкой. Он был из числа детей, которых называют сложными, подразумеваемая легкое слабоумие, аутизм, неполноценность, граничащую с болезнью, но все-таки не болезнь. Мальчик не любил разговаривать, иногда молчал, даже если ему задавали вопросы, редко смотрел людям в лицо, но когда поднимал глаза, было видно: он понимает, просто не хочет говорить. Юле приходилось кричать, чтобы добиться ответа, пока однажды она не нащупала заветную формулу: «Не хочешь, не говори». Стоило произнести эти четыре слова, и Артемка вдруг начинал говорить, говорил мало, коротко и неохотно, но по существу.

Однажды они с прабабушкой Раей, которую Артемка называл просто баба, и с Юлей пообедали на веранде. Май выдался неудачный, то дождь и +10, то снег и +4, под ногами грязь, над головой сумрачное небо, но на веранде уже не колотун, как зимой, и можно обедать.

Двенадцатилетний Артемка, только что вернувшийся из школы, молча окунал блины с мясом в сметану и задумчиво жевал. Он поставил локти на клеенчатую скатерть и растопырил пальцы прямо перед лицом, словно держал невидимый шарик. Время от времени указательным и средним пальцами он утрамбовывал во рту мясо с рисом или выковыривал кусочки из зубов. Потом снова растопыривал жирные пальцы у себя перед носом.

— А нельзя есть по-человечески? Возьми хоть ложку! Куда ты столько заглатываешь? Боишься что ли, что отберут? — воспитывала внука баба Рая.

Артемка не отвечал. Смотрел узко посаженными голубыми глазами в тарелку и тихо сосредоточенно водил челюстями.

— Пускай ребенок ест, как ему удобно, — резко сказала Юля и погладила сына по густой рыжей шерстке, сплошь покрывшей голову короткими маленькими колечками.

— А ты была ребенок? — вдруг спросил Артемка, не поднимая глаз.

— Что? — не поняла Юля.

— Ты была ребенок, когда я родился?

Юля изменилась в лице и замолчала. Глубоко вдохнула, сжала губы, сделала языком движение вперед-назад не открывая рта, сглотнула, чтобы не заплакать, выдавила:

— Мне было шестнадцать.

— И ты, чтобы меня кормить, торговала телом?

— Что?

— У вас в салоне красоты. Ты торговала своим телом?

Юля слегка качнула головой, как бы уходя от самой себя, силясь себе соврать. Снова проделала губами и языком те же движения, что в первый раз. Не глядя ни на бабушку, ни на сына, тяжело выдохнула:

— Вроде того.

Артемка отодвинул пустую тарелку с размазанной по краям сметаной, вытер рот рукавом, потому что оцепеневшая баба Рая не успела подсунуть салфетку, аккуратно выдвинулся из-за стола, встал и ушел на улицу. Дверь закрыл за собой осторожно.

— Надо было соврать! — Баба Рая стала складывать грязную посуду в жестяное корыто, а Юля, растерянно зарывав, побежала в дом.

С детства баба Рая приучала Юлю к тому, что бедный дом может стать красивым и уютным, а в жизни

есть ценности посерьезнее денег, внешности, мужа и даже матери. Про деньги, внешность и мужа Юля хоть и не хотела понимать, но понимала, а вот про маму никак не могла взять в толк. «Я за всю жизнь только одно поняла, Юленька: надо работать с тем, что есть. Вот есть у тебя я — цени меня. Есть у тебя наш дом, твой сын — цени. А матери с отцом нет — и не надо. Ты подумай, у тебя ведь нет другой жизни, жизнь одна. Тебе уже двадцать семь лет. У тебя есть только та жизнь, которую ты имеешь. Представь, что ты не знаешь о том, что у тебя была мать. Если бы ты не знала, ты бы и не думала. Телевизор-то он чем плох? Тем, что показывают то, чего у нас нет, заставляют об этом думать. А думать об этом не надо. Думать об этом вредно. Ты лучше стихи почитай — да такие, чтоб мудреные. Чтоб непонятные. Как музыка. Или просто музыку послушай. Без слов. Она непонятная. Что непонятно, то хорошо. Красиво, до дрожи пробирает, но непонятно. Стихи и музыка душу возвысят. Ты послушай, почитай. А остальное не надо бы. Журналы не надо. Газеты не надо. Это плохо. Интернет самое большое зло, потому что там все. А жизнь одна, и надо учиться проживать ее, ее, ее, понимаешь? А не то, что тебе показывают, не то, чего у тебя нет, не то, что могло бы быть. Не живи жизнью других. Не мечтай. Выдохни. Взгляни на то, что у тебя есть. Этим и живи».

Юля смотрела на то, что у нее есть. Баба Рая была на выдумки хитра. Однажды ей подруга, медсестра из больницы, подарила красивое пластмассовое голубое судно. Сказала — пригодится в хозяйстве. Станный подарок, но баба Рая тут же сделала из судна вазу для фруктов. Юля тогда смеялась до слез. Ведь и правда голубое судно в тон к кухонным занавескам стильно смотрелось на столе. Еще баба Рая всегда украшала стол цветами или делала композиции из сухих веток, вереска и шишек. Колесо от сломанного детского велосипеда помыла, прикрепила к стене в спальне и вешала на спицы бусы, полотенца, кулоны на цепочках — прилаживала побрякушки так, что не падали. Сама связала разноцветные коврики и постелила в двух комнатах и в кухне. Сама сшила бледно-розовые занавески с птичками для веранды. Вообще бабушка прекрасно вязала и шила. Юля сроду не покупала себе одежды. Кроме верхней и белья. На двадцать пятый день рождения баба Рая сшила Юле темно-синее платье до колена с небольшим V-образным вырезом. Юля и спустя пятнадцать лет обожала это платье, говорила, что когда она в нем, голубые глаза ярче и рыжие волосы блестят круче.

Маминых вещей в доме не было. Даже маминой фотографии не было ни одной. Бабушка от всего избавилась. Отца Юля никогда не знала. Баба Рая приучила ее к мысли, что знать его не надо. Поэтому Юля не хотела знать. Иногда она удивлялась тому,

как легко ей жить. Казалось бы: отца не знала, мать бросила, мужа нет — жизнь должна быть тяжелой. Положено страдать. Но тяжести Юлия не ощущала, и если бы у нее спросили про счастье, она искренне ответила бы, что счастлива. Потому что в доме тепло — они с бабушкой дров накололи и печь растопили, вон старые газеты в уголке ровной стопочкой лежат, ждут огонька; потому что летом, когда тепло, можно вынести на улицу, на травку, пластмассовый столик на качающихся железных ножках и поставить на него миску с салатом из овощей, которые в огороде растут; потому что на продавленной кровати у стенки крепко спится, а если ноги вытянуть, то дотронешься до другой стенки, теплой, нагретой от печки; потому что Артемка здоровый и спокойный, добрый, и кто бы там что ни говорил, он — ее лучшее творение; потому что с девчонками в салоне можно поболтать, выпить и повеселиться; потому что до Горного Алтая рукой подать, а там такая жизнь, что лучше и правда отрубить телефон, не смотреть телевизор, все равно ничего прекраснее в мире нет — белоснежного снега, разноцветных лесов, голубого неба, облаков, изумрудных озер, прозрачного льда и этой божественной геометрии — горных треугольников, трапеций, водных овалов, кругов рая. Юлия была в Горном только один раз, очень давно, еще в детстве.

Она не стыдилась того, что в течение нескольких лет после рождения Артемки брала в салоне дополнительную работу. Девчонки-парикмахерши до сих пор этим занимались. И ничего. У некоторых даже мужья знали. Деньги-то нужны. На красоте ногтей далеко не уедешь. Проблемы начинались за стенами салона. Село маленькое, жены узнавали об измене, приходили, устраивали скандалы. Одна девица, Инна, мамаша Артемкиной одноклассницы Лизы, как-то с ножом для мяса явилась, хотела всем клиенткам и мастерам пальцы отрезать. Пришлось полицию вызвать. Приехал Мишка, Юлин друг детства, он и сам иногда в салон заходил, а с мужем Инны каждые выходные надирался до чертиков. Он сначала хохотал, потом взял себя в руки, скрутил Инну, вышвырнул из салона и уехал. Это случилось лет пять назад, но с тех пор Юлию мамыши из родительского комитета терпеть не могли. А заодно и учителя. А заодно не любили Артемку. Юлия однажды на родительском собрании услышала, как за ее спиной одна мамаша сказала другой: «Мелкий даун этой шлюхи». Она тогда вскочила, схватила за горло разговорчивую мымру и пообещала удавить, если еще раз услышит, как оскорбляют сына. «Я тебе, дрянь, язык отрежу, у меня инструмент специальный есть. Чик-чик!» Юлия давно поняла, что в этой волчьей стае нельзя никому ничего спускать. Нет никого, кто заступится, кто встанет на твою сторону. Первый год на школьных собраниях она пропускала оскорбления

мимо ушей. Но потом стало ясно: с каждым пропущенным оскорблением, с каждой упущенной из виду проблемой, с каждым якобы не замеченным презрительным взглядом или наглой ухмылкой власть мамаш из родительского комитета растет. И бесполезно ждать помощи от учителей или от директрисы — они все заодно. Все из одного теста. Жизнь потрепала их будь здоров, но они не стали от этого милосерднее, добрее к другим или мудрее. Они безвкусно одевались, слишком ярко красились, не умели ухаживать за кожей и волосами, чаще всего слишком увлекались спиртными напитками и были в два раза старше Юли. Наверное, они завидовали ее молодости, ее свежести, тому, что их гулящие мужья предпочитали ее, даун Артемка получал сплошные пятерки и четверки, а на беленький домик, сад и огород летом было не налюбоваться.

Борьба мамаш перерастала в борьбу детей. Одноклассники с Артемкой не дружили, на уроках вечно его подкалывали, смеялись, на переменах толкали, на физкультуре норовили сбить с ног, ударить, пнуть, в общем, избить. В отличие от мамы, Артемка не умел защищаться, он надеялся, что все уладится само собой, если не обращать внимания. На мамыны и бабушкины вопросы: «Почему ты весь в синяках?», «Почему у тебя кровь?», «Кто тебя так?» — он не отвечал. Юлия ждала. Не вмешивалась.

Однажды Артемка попросил у бабушки денег на подарок.

— На подарок? Кому подарок? — Баба Рая ни разу не слышала, чтобы Артемка кому-то дарил подарки.

Его и на дни рождения ребята не звали. И учителям он наотрез отказывался дарить цветы и конфеты.

Оказалось, подарок Артемка решил купить Лизе, девочке из класса.

— Вы дружите? — неуверенно спросила баба Рая.

— Общаемся, — неохотно ответил Артемка.

И баба Рая так обрадовалась, что дала правнуку целых триста рублей, на которые он в сельской галантерее купил флакон духов.

После уроков Артемка с Лизой иногда вместе возвращались домой и заходили за магазин. Там начиналось поле, и можно было посидеть на лавочке, посмотреть вдаль и помолчать или поговорить. Местные алкаши обычно собирались либо рано утром, либо поздно вечером, а часа в два, в три никто детям не мешал.

Светло-бежевое поле с примесью зелени и белизны, с частыми черными пятнами — застыло. Жимолость, маральник, заросли можжевельника, таволги, лапчатки, кустарники облепихи, ясенник душистый, бруннера, цирцея, эдельвейс хранили молчание и притворялись мертвыми до наступления лета. Даже когда ветер дул, травы не оживали, по крайней мере, не подавали виду. словно чучело зимы еще не сожгли, и радоваться было рано. Далеко впереди начиналась

черневая тайга — малина, калина, черемуха, рябина, смородина, а еще кедрово-пихтовые леса и ленточные сосновые боры.

Артемка с Лизой смотрели, как летят облака над полем, и ничего не говорили. У Лизы светло-каштановые волосы точно дополняли пейзаж, неподвижные, тонкие, холодные. Серые глаза позволяли облакам, движущимся все время в одном ритме, гипнотизировать себя, отвлекать от мыслей. Из кармана светло-бежевого легкого пальто у Лизы торчал голубой берет. Иногда девочка водила каблук сапога по мелким бесцветным камням, и раздавался шорох, как будто прилив уносил гальку в море. Артемка взял камень и поднес к уху словно раковину: ничего. Из-за камня выполз червяк, направился куда-то по своим делам. Артемка взял палочку, аккуратно потыкал его.

Потом расстегнул на груди красно-зеленую куртку и развязал красный шерстяной шарф.

— Жарко.

Артемка достал сигарету, чиркнул спичкой, закурил.

— Зачем? — Лиза повернула голову.

— Что зачем?

— Ты же не куришь. Зачем закурил?

— Не знаю.

— Хочешь быть крутым?

— Типа того, — Артемка засмеялся и бросил сигарету прямо в червяка, но тот неумоимо полз вперед, — у мамы вечно сигарет завались.

Лиза тоже засмеялась.

— Так хорошо, когда тихо, и лесом пахнет, — сказала она.

— Да, хорошо.

— Тебе никогда не хотелось уйти в лес?

— В смысле в поход?

— Ну да, спрятаться от всех.

— Не знаю. Наверное, хотелось. — Артемка раздал сигарету ногой.

— Не убивай! — вскрикнула Лиза и тут же с облегчением выдохнула. — Я думала, ты его сейчас тоже... Ногой.

Она смотрела прямо Артемке в глаза. От этого взгляда его пронзало током. Одно короткое движение головой вперед — его лицо возле ее лица. Он дотронулся правой рукой до ее левой руки, а потом с чувством ужаса, так что сердце забилось в ушах, мягкими губами захватил ее нижнюю губу. И сразу кончил в штаны, проглотив стон до последнего звука.

— Я тебя... люблю... — прошептал он почти неслышно.

Ночью Артемка спал как убитый, а наутро проснулся счастливым.

В школе на уроках все было как всегда, только Лизины подружки, Маша, пухленькая чукча, и Даша, высокая, со светлой косой, перехихикивались, украдкой поглядывая на Артемку. После шести уроков Артемка хотел во дворе подойти к Лизе, но Виталик и его дружки — всего человек шесть — встали поперек дороги.

— Как жиза? — засмеялся Виталик, показав свои слишком белые зубы.

У Виталика была довольно смуглая кожа, очень темные волосы и черные глаза, поэтому сияющие белые зубы сразу привлекали внимание и выглядели неестественно. «Акула, — пронеслось в голове у Артемки, — акула, акула».

— Нормально, — тихо ответил мальчик.

Виталик и другие пацаны заржали.

— Нормально... — задумчиво повторил Виталик. — Да ты долбаный извращенец!

Виталик изо всех сил врезал Артемке по лицу, и Артемка упал. Парни его окружили. Спустя секунду он поднялся. Из носа шла кровь. Пацаны сомкнулись в плотное кольцо.

— Лиза! — крикнул Артемка.

— Лиза-Лиза, хочешь, я тебе кое-что вылижу? — Виталик гримасничал, вихляя задом.

Следующий удар снова повалил парнишку на землю. Артемка не защищался. Он знал, что это бесполезно. Когда он попытался подняться во второй раз, друзья Виталика стали пинать его — то в живот, то в ребро, то в пах. Это продолжалось несколько минут. Лиза с подружками стояла в стороне, наблюдая за происходящим изумленно и растерянно.

Сквозь белесую муть Артемка видел, как парни уходили, он видел, как вслед за ними уходила Лиза с подружками, видел ее глаза — удивленные и равнодушные.

Домой еле добрел, по дороге отыскал сугроб, упал в него лицом. Лежал несколько минут, не думал, плакал. Сильно плакал — до смерти плакал.

Слухи о том, что Артемку избили за приставания к Лизе, то есть за дело, разлетелись по поселку уже к вечеру. Высокая статная блондинка Инна пришла, чтобы поскандалить.

— Тебе мало моего мужа? Взясась за ребенка? О чем он думал? У кого он этому научился? У вас что — семейная сексуальная невоздержанность?

Баба Рая вышла на веранду и сухо сказала:

— Мальчик ничего не сделал. А вот вы, — она указала на Лизину маму, — объясните своей малолетке, что в ее возрасте еще рано быть лицемерной сукой.

Выступление бабы Раи закончилось ором. Побавровевшая от злости Инна полезла драться. Баба Рая попыталась оттащить ее от Юли и получила в глаз, вызвала полицию. Приехал Мишка, поржал, скрутил Инну, выволок из дома.

Артемка, сидя на кухне, слышал все, что происходило на веранде, и плакал.

— Ну что ты реवेशь? Я так ничего и не поняла. Если ты ни в чем не виноват, так и скажи! Тебя ведь затравят теперь! — Юля приложила к щеке крупную

куруцу из морозилки и стояла напротив сына, тараща глаза то на него, то куда-то в пустоту.

Артемка молча плакал.

— Ну что ты ей сделал? За грудь хватал? За задницу? Штаны снимал? Что ты сделал? — Юля вдруг тоже расплакалась.

— Не снимал я штаны. Я в штанах... — прогундосил Артемка сквозь слезы.

— Что в штанах?

— Промочил штаны, когда... ее поцеловал.

— Да ничего он не сделал, она сама хотела, он ей духи купил! Они дружили, — опять вмешалась баба Рая.

— Ты сегодня уже достаточно выступила, бабуль, — крикнула Юля. — Вы дружили? — обратилась она к сыну.

— Немного.

Больше Артемка ничего не сказал. Ночью, когда все уснули, он оделся и распахнул дверь на улицу. Под бесконечным вечным небом, как в поле, Артемка ощутил себя вне всего, словно небо было его со-измерением. Звезды на темно-синем фоне сияли одна ярче другой, и Артемка зашагал вперед по звездной карте, ежась от холода, но полной грудью вдыхая таежный смолистый воздух и наслаждаясь своим отсутствием.

Утром, перед тем как будить Артемку в школу, баба Рая вышла на крыльцо — проверить погоду, и тут же ей из-за забора стал махать какой-то парень с рюкзаком. Она сняла тапочки, быстро надела галоши на голую ногу, накинула плащ и засемила к калитке. Мальчик аккуратно прислонил велосипед к воротам.

— Бабушка, возьмите газетку!

— Газетку мне не надо.

— Да она бесплатная.

— Все равно не надо.

— Там информация про Ц., бывшего кандидата в президенты, политика. Он хочет сделать новую партию. Вы о нем слышали?

— Что-то вроде слышала, — сказала баба Рая.

— А что вы слышали? — улыбнулся кудрявый мальчик в белой футболке и в джинсах.

— Да не помню уж.

— Ну так возьмите газетку, почитайте его программу.

— Не нужна мне его программа и он сам.

— Почему? Вы разве довольны жизнью?

— Да, — не задумываясь, ответила баба Рая.

— Но у вас же пенсия маленькая, вон домик какой, Интернета, наверное, даже нет. Страна разваливается. Никто нормально работать не хочет. Полиция бездействует. В тюрьму невинных сажают. — Мальчик говорил нескладно и неуверенно.

— А мне и так хорошо, сынок. Раньше было намного хуже. А Интернет вообще зло. Я нашего президента ценю за терпение. Ладно, мне внука надо будить.

Парнишка интеллигентно попрощался и уехал на велосипеде, а баба Рая пошла готовить завтрак.

За ночь сильно потеплело, с крыши капало, и птицы щебетали до головокруженья.

Баба Рая поджарила гренки со сметаной и с сахаром, сделала яичницу и слабенький сладкий кофе с молоком. Солнце било в окна веранды и впервые с прошлого лета по-настоящему пригревало.

Юля еще не проснулась, и баба Рая сначала пошла будить Артемку, чтобы он в школу не опоздал. Но в маленькой комнатке его не было. Баба Рая на секунду решила, что Артемка, как в детстве, пробудившись, побежал к маме — она всегда спала в большой комнате, а сама баба Рая в кухоньке, напротив печки у окна. Баба Рая улыбнулась и решительно толкнула дверь в Юлину комнату. Юля спала, закутавшись в одеяло, как младенец — только кончик носа торчал.

Баба Рая выскользнула на крыльцо, спустилась по ступенькам, пробежала несколько метров до забора, открыла калитку, выскочила на улицу.

— Ар-тем-ка-а-а-а! — крикнула она, сложив ладони рупором, и сердце у нее забилось, как в приступе паники.

— Может, он уже в школе. — Юля продрала глаза и не могла понять, что случилось.

— Он никогда не уходит так рано, без завтрака и не заправив постель. Да и после вчерашнего... думаешь, он прямо спешил в школу?

Юля наспех оделась, натянула джинсы, рубашку, шерстяную кофту, кроссовки, намотала на шею шарф и, вдохнув аромат гренок, сделав один глоток кофе, отправилась в школу. Ворвалась в класс посреди первого урока.

— Где Артем?

Артемка в школе не появлялся.

— Лиза, ты не знаешь?

Лиза отвела глаза.

— Отвечай! — крикнула Юля.

— Вы не смеете срывать мне урок, — сердито сказала очкастая математичка, одернув коричневую юбку на толстом заду.

— У меня сын пропал! Ребята, вы не знаете, где он может быть? — Юля спросила спокойно, жалобно.

Все опустили глаза, как будто Артемка страшный преступник и говорить о нем — позор. Лиза сидела и вспоминала, как спросила Артемку про лес.

— Да что вы за люди!

Юля всплеснула руками, хлопнула дверью. Побежала обратно домой. Баба Рая обошла всех соседей: Артемки не было. Юля позвонила Мишке, мол, выручай. Мишка приехал и сел за стол на веранде, откусил от гренки.

— Вкусно. Можно? — Он потянулся к банке с малиновым вареньем.

— Съешь хоть все, только помоги Христа ради. — Юля нервно заправляла за уши пряди волос.

— Слушай, мальчики в таком возрасте с такими проблемами сплошь и рядом убегают, а потом возвращаются, — сказал Мишка.

— С какими — такими проблемами? — Юля задержалась.

— Вчерашнюю историю все слышали. Да и раньше он был нелюдимый, такой... ну, ты знаешь... непропеченный.

Баба Рая хлопнула кулаком по столу, протянула руку и отодвинула от Миши тарелку с гренками.

Миша засмеялся. Посмотрел на женщин по-доброму. Погладил модно подстриженную бороду. Поднял карие глаза к потолку. Тряхнул пушистой шевелюрой.

— Ладно. Он раньше когда-нибудь убегал?

— Нет, я же говорю. — Юля собиралась заплакать.

— Ты еще не говорила. Спокойно. Найдется. Надо потолковать с его друзьями. С кем он дружил?

— Да вот с той девахой и дружил. С Лизой. Я сегодня пыталась с ней поговорить, она даже в лицо не смотрит.

Баба Рая тихонечко придвинула гренки обратно к Мише, и он взял еще одну.

— А не было у него какого-то убежища, любимого места? Дети часто облюбовывают какой-нибудь — не знаю — сарай, заброшенный дом, устраивают шалаш, палатку ставят...

— Он всегда был либо дома, либо в школе. Клянусь. То есть я уверена, у него нет никаких тайных мест. Какая еще палатка? Ты видел у меня деньги на палатку?

— А где они встречались с Лизой?

— За магазином. Но это не тайное место. Они просто сидели на лавочке за магазином.

Миша доел все гренки, промокнул маленький жирный рот салфеткой.

— Короче, с Лизой надо поговорить.

Лизу нашли за магазином. Она сидела на скамейке одна и смотрела на поле и на лес.

Юля курила дешевую сигарету за дешевой сигаретой. Она выслушала от Миши речь на тему «у полиции нет времени искать сбежавшего мальчишку», потом от директрисы школы — монолог на тему «школа не станет заниматься тем, что произошло вне ее стен» и наконец — упреки от соседей на тему «никто не побежит по поселку расклеивать листовки или что вы там хотели». Она оставила дома рыдающую бабу Раю и сама уже не плакала, но с каждым часом отчетливее ощущала, как накатывает мутный тошнотворный ужас, и все, что в жизни казалось хорошим, нормальным, в порядке вещей, вдруг переворачивается с ног на голову и предстает отвратительным, чудовищным, бессмысленным. Юля вдруг почувствовала себя без толку использованной, как будто сама жизнь ее изна-

силвала, опустошила, прожевала, проглотила и высрала обратно.

Лиза онемела. Сколько Миша ни пытался ее разговаривать — все впустую.

— Да ты пойми, ты же друга своего должна спасти, ты должна сделать доброе дело, а может, и подвиг совершить! Забудь ты о том, кто что подумает, забудь о других, нет никаких других. Будь смелой. Будь смелее, чем все твои одноклассники. Скажи, где он может быть? — Миша умел убеждать.

Не глядя ни на Юлю, ни на Мишу, Лиза подняла руку и молча указала на лес вдали, за полем.

День прошел в Интернете и на телефоне. Интернет работал только в магазине бытовой техники на главной улице, туда Юля первым делом и направилась. Миша, девчонки из салона, все товарищи и знакомые бабы Раи писали объявления, расклеивали их по поселку, собирали поисковую группу. В полиции возбуждать уголовное дело отказывались, хотя Юля прочла, что если пропадает несовершеннолетний ребенок, то дело возбудить обязаны. Еще она прочла, что чело- века, пропавшего в лесу, искать надо сразу, и в первый день шансов найти живым гораздо больше. Полицейские, друзья Мишки, общались с Юлей нормально, не грубо, но никто не хотел искать ее сына, все говорили: «Мало ли, убежал, проголодается — вернется». Спустя неделю, когда Юля вместе с поисковой группой давным-давно прочесывала лес, уголовное дело наконец возбудили. У Юли спрашивали приметы, во что был одет, какие вещи при себе имел. А она никак не могла понять, в какой он куртке ушел — красно-зеленая куда-то делась и синяя тоже. «Да вы не волнуйтесь, сядьте, водички попейте», — говорил следователь, теребя гитлеровские усы. Юля опускалась на стул, пила воду и вздохнула начинала рассказывать об Артемке: «Он небольшого роста, но очень худой, поэтому кажется длинным, волосы короткие, густые, рыжие, колечками по всей голове завиваются, глаза голубые, бледно-голубые, сосредоточенный он, весь в себе, шарф и шапка красные, ботинки коричневые, тяжелые, из дома он ничего не взял — ни рюкзак не взял, ничего не взял, а куртка... куртка... я не знаю, в какой он... — Юля заикалась и всхлипывала, — ...либо в красно-зеленой, либо в синей... Господи, я не помню, какая... Я не знаю, в какой... куртке...» Баба Рая просила передать дело в Следственный комитет, но ей отказывали: «Думаете, все сразу побегут искать вашего внука? Там таких пропавших миллион! Вы на нас орете, что мы тут чай пьем целыми днями, а там, думаете, чай пить не будут, будут прыгать, волноваться, дергаться, мобилизуют все и вся?» Баба Рая каждую ночь плакала в подушку, резко постарела. О ходе поисков полицейские не рассказывали. Мишка тоже клонял-

ся от ответов. Как-то Юля устроила истерику, бросилась на него с кулаками. «Ну нечего мне тебе сказать! Нечего! Неужели ты думаешь, что я молчал бы, если бы мне было что сказать?» В тот вечер Мишка ушел, хлопнув дверью, а Юля наутро снова отправилась в лес.

Волонтеры, вызвавшиеся искать Артемку, были в основном молодые. Некоторые специально приехали из Барнаула. Юлин пост разошелся по всему Интернету, и люди помогли. Оказалось, в Барнауле существует волонтерская организация помощи в поисках без вести пропавших. «А многих вы вот так... в лесу находили?» — спросила однажды Юля полную студентку в ватнике и в вязаной шапке (перед поисками все утеплились). Студентка ничего не сказала, только рукой в варежке махнула и носом шмыгнула.

Искали очень просто: ходили по лесу и кричали.

Под ногами хрустели шишки, мшистая почва проседала, ломались сухие ветки. Поблизости от сфагновых болот на остепненных участках с ковылем и ксерофитным разнотравьем было тише всего, даже птицы не пели, ни звука, ни шороха, словно мертвые зоны. Юле становилось страшно. В самих болотах не искали, потому что искали живого, а не мертвого. Глава поисковой группы, мужик средних лет, спокойный, с опытом, сразу предупредил, что водоемы не проверяются: «Это уже не наша вотчина. Это пускай полиция с водолазами».

По укромным, отдаленным от поселений местам, под вековыми соснами из земли кое-где торчали чудесным образом не погибшие за зиму северные орхидеи: ладьян, гнездоцветки. В холоде они поблекли, утратили желтоватый, лиловый, зеленый оттенки, но не сровнялись с землей, как будто лес в тайне собрал себе гербарий и сохранил на память.

В черте массивов старовозрастных сосняков, по опушкам бора, рядом со степными участками на деревьях попадались огромные гнезда. За пищей для птенцов птицы летали на озера и болота. Один раз Юля видела, как на берегу озера отряхивалась косуля. Юле тогда захотелось подойти к ней, спросить, не видела ли она Артемку. Часть озера покрывала тоненькая корочка льда, казалось, вода разделилась на живую и мертвую. А смешанные леса ярусами уходили все дальше и дальше, земля то обрывалась вниз, то взмывала вверх, снег почти везде стоял, встречались огромные, вросшие в твердь валуны, волонтеры на них вставали и оглядывались, кое-кто умудрялся забираться на деревья и оттуда осматривать местность. Ложбины с речками и ручейками вклинивались на каждом шагу. Юля набрала полные кроссовки песка и грязи, промочила ноги.

С горы открывался вид на другие холмы, горы и прогалыны. Солнце почти не выглядывало. Из-под

белого неба сеялась дымка. Зелень, чернота, лед, бегежьи проплешины в лесу застыли как на фотографии. Юле казалось: здесь сколько ни кричи, никто не ответит.

— Ар-тем-ка-а-а!

Так продолжалось дни напролет. Юля спала, ела и шла вперед. Ей стало нравиться прикасаться к деревьям. Она клала ладонь на толстую сосновую кору и представляла, что под ней в стволе бурлит жизнь: клетки в форме неправильных многогранников, питанные смолой и крахмалом, запасают полезные вещества и заботятся о старых клетках, в полостях которых дышит воздух; молодые клетки проводят воду, поры у них расширены, они кормят старые клетки, растят детисек; по высоте дерева длина и ширина клеток постепенно увеличиваются от основания ствола до кроны; мертвые клетки не падают на землю, а тоже составляют часть ствола, как живые, только уже смола и вода через них не проходят; ствол собирает целые поколения клеток, ствол не забывает мертвых.

— Ар-тем-ка-а-а!

Лисята, похожие на кошек с пушистыми хвостами, покидали свои норы и выходили просить еду. Мама лисица сидела в стороне и наблюдала. Волонтеры давали печенье и вафли. Лисята ели.

Иногда Юле казалось, что поиски перестали быть поисками и превратились в странную прогулку с незнакомыми людьми. С каждым днем теплело. Волонтеры уже сняли ватники и куртки, ходили в легких свитерах, кое-кто в футболках.

Недалеко от Юлиного дома несколько молодых людей разбили палатку и сказали, что это агитационный штаб политика Ц. Они стали раздавать листовки с портретом Ц., чье лицо совершенно не запоминалось. Мальчики говорили, что Россия вместе с Ц. обретет свободу.

— А что за проблема? Мы и так свободные. Свободные же? Сонь? — Пенсионерки переговаривались, непонимающе глядя на молодых людей.

— Как же свободные? — вопрошали молодые люди. — Государство сейчас все контролирует. Каждый ваш шаг контролируют. А у вас есть шанс стать свободными! За вас все президент решает, а вы можете решать сами! — Молодые люди краснели от удвольствия и волнения.

— Мы не хотим решать! На то он и президент. Россия страна большая, ей нужен сильный президент. Чтoб контролировал!

Пенсионерки уходили, а на их место приходили здоровенные мужики, резали палатку ножами, кромсали листовки, избивали пацанов и убегали. Полиция не вмешивалась.

На пятый день баба Рая нашла в ненавистном Интернете телефон экстрасенса и позвонила. Ее попро-

сили сначала перечислить экстрасенсу на карту пять тысяч рублей. Она отказалась. Позвонила по другому телефону. В другом месте ее попросили перечислить на карту три тысячи рублей. Она опять отказалась. Тогда экстрасенс позвонил самолично и заорал в трубку: «Вам три тыщи дороже внука?» Баба Рая бросила телефон в помойное ведро и зарыдала.

— Вы будете что-то еще предпринимать? — спрашивала Юля у Мишки, когда тот вечерами приезжал пропустить стошку.

— А что бы ты хотела? Вертолеты?

— Да! — Юля пила водку, не закусывая.

— Вертолетов не будет. Порядки такие. У государства нет денег, чтобы искать каждого, кто ушел в лес. Ты отдел уголовного розыска у нас видела? Сидят четыре человека: двое по трупам, двое по живым. У них одна машина. Одна! И сорок литров бензина на месяц! На месяц всего сорок! А ты хочешь, чтоб они на вертолетах летали... Да и не нужны тут вертолеты. С вертолетов хорошо видны открытые места, а у нас тайга сплошняком. С вертолета можно костер заметить, дым, огонь, понимаешь?

— У него могла быть зажигалка — моя. — Юля вдруг посмотрела на Мишку с надеждой.

— В лесу очень сыро для костра.

— Миш, ну что это за екарный бабай? Что это за долбаная хрень? Ребенок пропал! Почему полиция не ищет? Все же на одних волонтерах держится. Почему власти-то ничего не делают, почему администрация, полиция ничего не делает? Стране разве не каждый ее ребенок важен? Страна ведь должна быть как семья. А семье важны все ее дети. Что это за сука... херня долбаная... Ты же понимаешь, что если бы он просто ушел погулять, он бы уже вернулся! Господи! — Юля беззвучно хлопнула рукой по столу, чтобы не разбудить бабу Раю.

Миша взял Юлю за руку и крепко сжал ее.

— Юлька, ты в Бога веришь?

— Да, и желаю ему смерти.

Ночью по телевизору Юля смотрела сюжет о мартовском пожаре в торговом центре в городе С. Красивая блондинка-телеведущая вспоминала факты трагедии, возмущалась, что траур объявили не сразу. Власти тогда сочли, что погибло слишком мало детей. Из шестидесяти четырех человек всего сорок один ребенок. Маловато для общенационального траура. В конце концов траур объявили, но как-то безучастно, равнодушно, без слез. Так говорила красивая блондинка. По телевизору показали списки погибших. Они наверняка были неполными, неправильными, но Юле хватило. Она подумала, что и сама ведь не слишком горевала о погибших, хотя несколько раз в юности даже ездила в С., знала город. Отупев и присмирив от долгих рыданий, Юля медленно

переползла с дивана на кровать, легла, устала, в потолок и впервые за всю жизнь вдруг испугалась, что сошла с ума. Резко села на кровати. Не поняла, почему она — это она, почему она здесь, вот в этой комнате, в этом поселке, в этом регионе этой страны, почему люди вокруг умирают, а другим дела нет, почему снег, почему весна, почему коврик у кровати, почему баба Рая с утра до ночи рыдает, помирает от горя, а сама всегда говорила — надо радоваться тому, что есть, и забывать то, чего нет.

Белый потолок казался Юле белой простыней, которой укроется земля, когда людей истребят с помощью тяжелой межконтинентальной баллистической ракеты «Сармат» и глубоководных быстроходных аппаратов большой дальности, оснащенных ядерными боеголовками. Тогда миру станет легче дышать — без людей. Погибавшие в пожаре дети, о чем они думали? О том, как жалко расставаться с мамой, с друзьями, с кошкой, о том, как душно, как темно, как пахнет гарью. Вот и все, вот и все — трагедию дети оставили тем, кто выжил. Живым взрослым осталась трагедия, это их трагедия.

Шестой день выдался ярким. Солнце залило все окрестности, оно просвечивало даже в самом густом лесу, а редкий лес сиял и оживал. Выползли откуда-то пауки и жуки: лубоеды, навозные, майские, маврские клопы. Зажужжали пчелы, затрепетали на теплом ветру стрекозы, пилильщики, листовертки, гессенские мухи. Застрекотали кузнечики. Заторопились по своим делам озимые черви. За один день расцвел розово-лиловый маральник, и листья на деревьях распустились — салатного оттенка, лаймового, оливкового, цвета папоротника, зеленого лука. Последний лед и снег провалились сквозь землю, реки закрутились в новых летних заботах, озера выдохнули, разбавив напоенный ароматами сосновый воздух глубоким запахом водорослей, камней и песка. Весна наступила.

— Ар-тем-ка-а-а!

Через друзей Миша договорился с барнаульской школой МЧС, чтобы прислали водолазов. Никто не знал, где искать, поэтому решили искать в Малиновом озере, где Артемка летом часто плавал. От М. до озера пешком можно было пройти часа за два с половиной. Еще при Екатерине II приезжие иностранцы удивлялись, когда на столе видели соль странного малинового оттенка. Вряд ли они могли предположить, что такую соль привозят из Кулундинской степи, простирающейся у подножья Алтайских гор. Люди, особенно женщины, жили легендами о целебном розовом озере, испукавшись в котором бесплодные — рожали, а не-

красивые — хорошели. Малиновое озеро славилось лечебными солеными водами. Оно действительно омолаживало и очищало кожу, снимало усталость и боль в мышцах, лечило воспаления. Ученые выяснили, что в озере обитает множество водорослей, но разглядеть их можно только под микроскопом. Именно эти водоросли вырабатывают розовый пигмент.

Дно озера было покрыто соляной коркой, и местные жители советовали водолазам идти аккуратно чтобы не поцарапаться. Миша обрывал мужиков и бабок: «Да не поцарапаются они! Они же в снаряжении!»

Юля ждала на берегу. Людей собралось отовсюду видимо-невидимо. Совершенно некстати, навязчиво и даже нагло в голове звучала песенка:

Не надо, не плачь, пусть он ушел, это не важно,
Все хорошо, все хорошо будет однажды...

Глупая пошлая песенка с такой избитой мелодией, что хуже не придумаешь, дурацкая песенка, услышанная по радио, так въелась в организм, что заменила Юле биение сердца и разметала по углам тяжелые мысли. Не надо, не плачь, пусть он ушел, это не важно... Все хорошо, все хорошо будет однажды...

Юля вцепилась взглядом в солнечный лес на другом берегу. Что за ним, ей не хотелось узнавать, — буреломная чащоба ли, дикие звери, нечисть. Озеро было таким плоским, таким спокойным, а сосны вокруг — такими тихими, такими преданными. Как ночью, Юля вдруг испугалась, что сошла с ума и ничего не понимает. Она не могла понять — как это: почему она на озере, почему водолазы ищут ее мертвого сына.

— Господи, я не ничего не понимаю, ничего не понимаю, я не понимаю... — бормотала Юля, раздвигая руками толпу и спускаясь к воде.

— Куда она? — раздавались крики. — Куда она собралась?

Юля в одежде вошла в воду по пояс, два раза с усилием оттолкнулась от воды ладонями, проплыла пару метров и нырнула. Пропала из виду.

— Да что за хрень? — Мишка отвлекся от водолазов. — Где она?

— Нырнула! — сказал кто-то в толпе.

— Черт, спасайте ее! Что вы встали! — заорал полицейский на водолазов. — Да чтоб вас! Спасайте ее, она же топится!

Когда Юлю вытащили из воды, она была без сознания. Но потемки обморока пронзала мелодия, пошлая песенка пробралась в самые недра сознания, в сердце страха: «Не надо, не плачь, пусть он ушел, это не важно... Все хорошо, все хорошо будет однажды...»